

КЛУБ «НЕУГОМОННЫЕ НОЧИ»

УКУС БУЛЬДОГА

История одной фотографии

ГРИГОРЬЕВ АЛЕКСАНДР

Григорьев Степанович

Укус бульдога

<https://litres.ru/74267907>

Аннотация

Свадебный фотограф Марина привыкла жить легко и без обязательств. Но когда на съёмке её кусает бульдог, а в её жизни появляется сантехник Гена, привычный порядок вещей рушится. Вместе с новой кроватью в её дом приходят новые эмоции. Смогут ли случайные встречи перерасти в нечто большее? И что скажут подруги из клуба «Задняя комната»? Весёлая, искренняя история о том, как одно неловкое знакомство может изменить всё.

Содержание

Глава 1. Треснувшее изголовье	4
Глава 2. Звонок из зоопарка	14
Глава 3. Ремонт с продолжением	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глава 1. Треснувшее изголовье

Он вбивался в меня с такой силой, что изголовье кровати треснуло. Не просто скрипнуло, не жалобно заныло — а хрустнуло так, будто кто-то переломил сухую ветку. Я услышала этот звук одновременно с тем, как его член вошёл в меня особенно глубоко, до упора, до той границы, где кончается терпение и начинается чистое, звериное удовольствие.

Моя смазка потекла по ягодицам — горячая, липкая, смешиваясь с его потом. Мы оба были мокрыми, и от этого скользкими, и он двигался во мне с влажным, неприличным *чвак-чвак-чвак*, и я чувствовала, как головка упирается в шейку — туго, горячо, с маленькой болью, от которой хочется ещё. От которой хочется закричать, вцепиться в его плечи, оставить на его коже красные полосы — чтобы он утром смотрел на них в зеркало и вспоминал меня.

Я запрокинула голову и выдохнула. Воздух в моей крошечной квартирке был спёртым — смесь старого постельного белья, дешёвого одеколona Гены и моих собственных духов, которые я купила на распродаже в переходе. Ничего особенного. Ничего, что стоило бы запоминать. Но именно здесь, на этой продавленной кровати, среди разбросанных простыней, я чувствовала себя живой.

Гена был груб. Он всегда был груб. Именно за это я его и держала — за то, что он никогда не сюсюкался, не спра-

шивал разрешения, не лез с нежностями. Он брал — и всё. Когда он вошёл, он даже не снял футболку. Когда он кончал, он просто рычал — низко, гортанно, как зверь, который защищает свою территорию. И это было то, что мне нужно. По крайней мере, я так думала.

Он рыкнул — и в тот же миг я слышала, как лопнул матрас. Что-то внутри него хрустнуло, прогнулось, и мы рухнули вниз — в щепки, в пружины, в облако поднявшейся пыли. Моя спина ударилась о сломанную планку, но я не почувствовала боли — только смесь испуга и восторга. Оргазм накрыл меня именно в тот момент, когда соседка за стеной начала стучать.

Тук-тук-тук. Четыре раза. Требовательно.

— Вы там живы?

Голос у неё был тонкий, испуганный. Пенсионерка. Моя вечная соседка. Она всегда стучала, когда у меня были мужчины. Как будто она сидела у стены с часами и ждала.

Гена, всё ещё внутри меня, навалился сверху, тяжело дыша. Его член пульсировал во мне, влажный и горячий, и я чувствовала, как он бьётся внутри меня в такт его сердцу. Он прижался губами к моему уху и прошептал:

— Скажи, что жива. А то вызову полицию.

Его голос — хриплый, срывающийся — ударил прямо в низ живота. Я захохотала. От смеха влагалище сжалось — сильно, резко, и он застонал, тихо и удивлённо, потому что не ожидал, что я так сильно могу сжиматься. Его член дёр-

нулся во мне, и я почувствовала, как он кончает — ещё раз, уже без движения, просто от того, что я смеюсь. Тёплая струя заполнила меня, и я зажмурилась, чувствуя, как это распространяется внутри, как идёт волнами.

— Жива! — крикнула я в сторону стены. — Кровать сломалась, но жива!

Соседка что-то пробурчала, и за стеной стало тихо.

Мы лежали среди обломков. Я смотрела в потолок — на трещину, которая появилась там ещё до моего заселения, на старую люстру с одной перегоревшей лампочкой, на паука в углу, который плел свою паутину и ему было плевать на то, что мы тут делаем. Гена тяжело дышал мне в шею.

Через минуту он вылез — резко, без нежности. Его член выскользнул с влажным хлюпающим звуком, и я почувствовала, как его семя вытекает из меня — тёплое, липкое. Он встал, вытер член о мою футболку, валявшуюся на полу, и направился в ванную.

— Кран починить? — спросил он уже оттуда, не оборачиваясь.

— Да, — сказала я.

Я не смотрела на него. Я смотрела на потолок и чувствовала, как на его лице расплывается удовлетворённая улыбка. Это была наша сделка. Секс и сантехника. Лучший бартер в истории человечества.

Телефон на тумбочке завибрировал. Я потянулась к нему, не вставая, чувствуя, как простыня прилипает к моей влаж-

ной коже. Звонили с работы. Заказ. Свадебная съёмка. Завтра, в десять утра, в ЗАГСе на Дмитровке. Я записала адрес, слушая, как Гена шумит водой в ванной. Я положила трубку и улыбнулась — той дежурной, профессиональной улыбкой, которую я дарила каждой невесте. «Хорошо, что невеста не знает, чем её фотограф занималась утром», — подумала я. И почему-то мне стало смешно. Невеста будет в белом платье, с букетом и с верой в вечную любовь. А я буду стоять с камерой и снимать её, зная, что утром я лежала на полу в разбитой кровати, а из меня текло.

Гена вышел из ванной — уже в джинсах, без футболки, с гаечным ключом в руке. Его плечи были широкими, покрытыми татуировками, которые он делал в армии. Руки — мозолистые, в въевшейся грязи. Он посмотрел на меня, на разрушенную кровать, и хмыкнул.

— Мебель надо менять, — сказал он. — Не выдерживает.

— Так может, ты её и починишь? — спросила я.

— Дорого будет, — усмехнулся он. — Для тебя — со скидкой. Я завтра днём зайду, посмотрю.

Он взял свою футболку с пола, натянул её и вышел в коридор. Я слышала, как хлопнула входная дверь. Я осталась одна — сидеть среди обломков, вытирая с живота его сперму. Густую, тёплую, уже подсыхающую липкой коркой. Я смотрела на свои пальцы — они были влажными, липкими, с запахом, который невозможно спутать ни с чем другим. Запах секса. Запах утра. Запах того, что я жива.

Я встала, пошла на кухню, налила себе стакан воды и выпила его залпом. Холодная вода обожгла горло. Я посмотрела в окно — за ним начинался день. Москва просыпалась. Слышался далёкий шум машин, кто-то играл на гитаре во дворе. Я стояла голая у окна и смотрела на город. Мне было двадцать девять. Я была фотографом, который снимал свадьбы и эротику. У меня был сантехник, который трахал меня по утрам и чинил краны. У меня была квартира с пыльным потолком и перегоревшей лампочкой. И я была счастлива? Наверное. Я не задумывалась об этом. Я просто жила — быстро, громко, с этим *чвак-чвак-чвак*, который я уже не могла выбросить из головы.

Телефон завибрировал снова. Не работа. Сообщение от подруги. От Алисы. «Встречаемся вечером в «Задней комнате». Я принесу вино. Ты принеси историю. У тебя была такая жесь с Геной? Жду». Я улыбнулась. Алиса любила мои истории. Все подруги любили мои истории. Я была для них той, у кого всегда «ночь неугомонная», всегда есть что рассказать за бокалом вина.

Я поставила телефон на стол и услышала звонок в дверь. Снова. Я подумала, что Гена забыл свои ключи. Я пошла открывать — всё ещё голая, всё ещё влажная, с запахом его спермы на животе. Я не накинула халат — мне было всё равно. Моя кожа была ещё горячей, и я знала, что выгляжу так, как надо.

На пороге стоял доставщик пиццы. Молодой парень в

красной куртке с логотипом. На голове — бейсболка, на плече — термосумка. Он смотрел на меня — на мою обнажённую кожу, на мои мокрые волосы, на мою грудь — и я видела, как у него дернулся кадык. Он сглотнул. Его глаза пробежались по моему телу — от груди к бёдрам, от бёдер к полу, где виднелись обломки кровати. Он посмотрел на разрушенное изголовье, на разбросанные простыни, на мои ноги, на которых уже подсыхала сперма.

— Пицца с ананасом, — сказал он, запинаясь. — И... кажется, вам нужна новая мебель.

Я усмехнулась. Вместо того чтобы взять пиццу, я схватила его за ворот куртки и втянула внутрь. Он не сопротивлялся. Он даже не выпустил коробку из рук. Он знал, что делать. Он уже не в первый раз был у меня. Руслан — доставщик из «Пицца-экспресс», парень с загибом влево и с неизменной весёлой улыбкой. Он расстегнул ширинку, достал член — обычный, не как у Гены огромный, а с загибом влево, средней длины, с лёгкой припухлостью на головке. Он положил пиццу на пол — аккуратно, чтобы не помять, и сказал:

— Вы на колени, я в рот, пиццу потом.

Я встала на колени. Прямо на полу, рядом с обломками кровати. Я смотрела на его член, который уже стоял твёрдо, с капелькой смазки на головке. Я взяла его в рот, и он выдохнул — громко, с облегчением, будто ждал этого весь день. Я двигалась медленно, облизывая головку, чувствуя его руку на своих волосах. Он застонал, и я знала, что он кончит

быстро — он всегда кончал быстро, когда я была в таком настроении. Я ускорила, и через минуту он кончил мне в рот — горячий, солоноватый, густой. Я проглотила и посмотрела на него снизу вверх.

— Ты сегодня быстрый, — сказала я.

— Я ехал на велосипеде, — сказал он, краснея. — А ты стояла голая в дверях.

Я рассмеялась. Я поднялась, взяла его за руку и повела на кухню. Пицца осталась лежать на полу. Мы сели за стол, и он открыл коробку. Я взяла кусок, откусила и посмотрела на него.

— Ты молодец, — сказала я. — Завтра будешь тут? Я закажу ту же пиццу.

Он улыбнулся и кивнул. Потом он взял свой телефон и ушёл. Я осталась одна, с куском пиццы в руке, и смотрела в окно. Солнце поднималось выше. Москва шумела. А я стояла в своей крошечной квартирке, голая, с остатками чужой спермы на лице и с запахом пиццы в воздухе. И я думала о том, что это моя жизнь. Моя «норма». И мне не стыдно.

Телефон снова завибрировал. Я взяла его и прочитала сообщение. Это была Алиса. «Ты принесёшь историю? Я уже заказала вино».

Я ответила: «Я принесёт историю. У меня сегодня было утро».

Она написала: «Ого, и у меня будет что рассказать».

Я улыбнулась. Я любила эти встречи. Пять женщин, пять

судеб, один бар. Мы собирались, пили вино, смеялись и рассказывали друг другу то, о чём молчали все остальные. Я знала, что вечером я сяду за стол, подружки откроют вино, и я начну свой рассказ. Я буду говорить о том, как Гена сломал кровать, как я стояла голая на пороге, как доставщик пиццы сделал мне минет. И они будут смеяться. И я буду смеяться вместе с ними. И никто не скажет мне, что это неправильно. Никто не скажет мне, что я должна стыдиться.

Потому что в клубе «Неугомонные ночи» мы не стыдились.

Мы жили.

На кухне пахло пиццей и сексом. Два самых главных запаха моей жизни. Я доела кусок, запила его холодной водой и пошла в душ. Вода была тёплой, и она смывала с меня всё, что осталось — сперму, пот, грязь. Я стояла под струёй, закрыв глаза, и чувствовала, как вода стекает по моей коже — от плеч к груди, от груди к животу, от живота вниз. Всё то, чем я была сегодня утром, уходило в сливное отверстие. Я открыла глаза, посмотрела на своё отражение в запотевшем зеркале — размытое, туманное, но мне нравилось это. Я не хотела видеть детали. Я хотела чувствовать.

Я вышла из душа, обернулась в полотенце и снова зашла в комнату. Кровать была разбита. Матрас лежал на полу, пружины торчали наружу, как рёбра сломанного зверя. Изголовье раскололось на две части. Я посмотрела на этот хаос и засмеялась. Я поняла, что сегодня вечером мне придётся спать

на диване. Но это была та цена, которую я платила за свои «неугомонные ночи».

Я взяла телефон и набрала сообщение Гене: «Завтра принесёшь новую кровать? Или я буду спать на полу?»

Ответ пришёл через минуту: «Принесу. И ещё кое-что».

Я улыбнулась. Он любил загадочность. И я любила её — потому что когда он загадывал загадки, я знала, что за ними стоит что-то хорошее. Что-то, что оставит след на моей коже.

Я села на диван, закинула ногу на ногу и посмотрела на город за окном. Солнце уже поднялось высоко, и лучи падали на пол в моей комнате. Мне надо было готовиться к съёмке. Невеста ждала. Но вместо того чтобы встать и начать собираться, я закрыла глаза и позволила себе ещё минуту тишины. Минуту спокойствия до того, как начнётся новый хаос.

Я знала, что Гена придёт завтра. Я знала, что Руслан придет с пищей. Я знала, что вечером я увижу Алису, Дашу, Женю и Свету. И я знала, что в «Задней комнате» мы будем смеяться, пить вино и рассказывать друг другу свои истории. Я не знала только одного — какой будет эта история. Потому что каждая ночь была неугомонной. И каждая из них приносила что-то новое.

Я открыла глаза. Встала. Пошла к шкафу, чтобы выбрать платье. Завтра была свадьба. Завтра была новая глава. А сегодня — сегодня я просто жила. И мне было хорошо.

Телефон на столе завибрировал снова. Я подошла к нему, взяла и прочитала сообщение. Это была Алиса: «Вечером

жду. Только без опозданий».

Я ответила: «Я никогда не опаздываю. Только если есть причина».

Она написала: «Ты всегда находишь причину».

Я улыбнулась. Она была права. Я всегда находила причину. Но в этом и была вся моя жизнь.

Глава 2. Звонок из зоопарка

Звонок в кармане Руслана разорвал тишину — громкий, навязчивый, совсем не вовремя. Он замер, его член всё ещё касался моих губ, тёплый, пульсирующий, с солоноватым привкусом его смазки на языке. Я почувствовала, как он напрягся — не от удовольствия, а от того, что реальность ворвалась в нашу маленькую, влажную, тёмную вселенную.

— Бля, диспетчер, — выругался он сквозь зубы, отстраняясь. — Надо бежать. У меня ещё пять адресов.

Он сунул член обратно в штаны, быстро, даже не вытерев его, и я видела, как на ткани джинсов расплывается тёмное влажное пятно. Он чмокнул меня в лоб — по-мальчишески, неловко — и умчался, оставив пиццу на полу. Коробка перевернулась, и кусок с ананасом вывалился на линолеум. Я смотрела на него, на этот кусок, и чувствовала, как внутри меня всё ещё пульсирует — там, где только что был его язык, его пальцы, его жар. Я закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и выдохнула. Воздух в квартире был спёртым, пахло потом, пищей и сексом. Всё, что я любила.

Я подняла пиццу, отряхнула её, откусила холодный кусок и запила водой из-под крана. Вода была холодной — такой холодной, что заныли зубы, но она отрезвила. Я посмотрела на часы. Через час у меня съёмка. Свадебная. Невеста с капризными губами и жених, который смотрел на неё как на

мебель. Я уже знала, как будут выглядеть их фотографии — идеальные, пустые, как все свадьбы, которые я снимала. Но мне нужно было это делать. Потому что за это платили.

Я пошла в душ, смыла с себя всё, что осталось от утра. Вода бежала по моей коже, смывая его запах, его прикосновения, его тепло. Я стояла под струёй, закрыв глаза, и чувствовала, как мысленно переключаюсь — из той Марины, которая берёт в рот доставщика пиццы, в Марину, которая держит камеру и говорит невесте: «Улыбнитесь, вы прекрасны». Два мира, два лица. И оба — настоящие.

Я вышла из душа, вытерлась, надела джинсы, футболку, взяла камеру и поехала на съёмку. В метро было душно, люди толкались, кто-то разговаривал по телефону слишком громко. Я смотрела на них и думала: а знаете ли вы, что я делала сегодня утром? Знаете ли вы, что у меня на языке до сих пор стоит тот странный, металлический привкус, от которого хочется ещё? Они не знали. Они смотрели на меня как на обычную женщину с фотоаппаратом, которая едет на работу. И я была рада, что они не знают.

Студия была на Пресне — маленькая, светлая, с огромными окнами и белыми стенами. Там пахло краской и новыми обоями. Я пришла за полчаса до начала, чтобы настроить свет. Но когда я открыла дверь, я поняла, что меня ждал сюрприз.

В углу студии, привязанный к батарее, сидел здоровенный бульдог. Он был похож на маленького, но очень злого диван-

чика. Морщинистая морда, брыли, полные слюны, короткие лапы и тяжёлый взгляд, в котором читалось: «Я здесь не для того, чтобы позировать». Рядом с ним стоял его хозяин — высокий мужчина в дорогом костюме, с телефоном в руке.

— Марина? — спросил он, поднимая голову. — Это вы?

— Я, — сказала я, чувствуя, как внутри меня закипает раздражение. — Вы не сказали, что будет собака.

— А вы не спросили, — он улыбнулся. — Это Геракл. Он у меня уже семь лет. Будет с нами на фотографиях. Я хочу, чтобы мы были на снимках вместе — я и мой верный друг.

«Верный друг» посмотрел на меня так, будто я была его обедом. Я вздохнула. В контракте не было пункта о животных, но отказаться я не могла — клиент платил много и заплатил заранее. Я поставила камеру на штатив, начала настраивать свет, проверять экспозицию. Геракл сидел и смотрел на меня. Я чувствовала его взгляд — тяжёлый, оценивающий.

— Геракл, сидеть, — сказал хозяин, отвлекаясь на телефон. — Он хороший мальчик. Он не тронет.

Я повернулась к ним, чтобы проверить, как падает свет на лицо клиента, и в этот момент Геракл решил, что мой палец — это вкусная сосиска. Он цапнул — быстро, без предупреждения, как аллигатор, который выскакивает из воды. Я почувствовала боль — острую, горячую, такую, от которой перехватывает дыхание. Кровь брызнула на объектив, на штатив, на белый пол. Я заорала.

— Ааа! Твою мать!

Клиент перепугался, начал извиняться, вытирать мою руку своей дорогой рубашкой. Геракл сидел довольный, облизываясь. Моя рука горела. Палец был прокушен до кости, и кровь текла так, будто я перерезала вену. Я смотрела на свою руку и чувствовала, как внутри меня закипает злость, смешанная со странным облегчением. Потому что я могла уйти. Потому что этот день не мог стать хуже.

— Я должна поехать в травмпункт, — сказала я, зажимая руку салфеткой. — Или хотя бы в ЖЭК, чтобы зафиксировать укус.

— Конечно-конечно, — забормотал клиент. — Я всё оплачу. Я вызову такси. Я...

— Не надо, — сказала я и вышла из студии, оставив его с его собакой и его дорогим костюмом.

На улице было жарко. Июньское солнце пекло так, что асфальт плавился. Я шла по улице, зажимая окровавленную руку, и думала о том, что моя жизнь — это сплошной сюрреализм. Сначала я беру в рот доставщика пиццы, потом меня кусает бульдог. Что дальше? Метеорит?

Я зашла в ближайший ЖЭК. Старое здание, обшарпанные стены, запах хлорки и старой краски. В холле сидела тётенька с бумагами, которая не обратила на меня никакого внимания. Я подошла к стойке и сказала:

— Меня укусила собака. Мне нужна справка.

— Справка? — переспросила она, поднимая глаза. —

Справка о чём?

— О том, что меня укусила собака, — сказала я. — Чтобы зафиксировать.

— Это не к нам, — сказала она. — Это в травмпункт.

— Травмпункт закрыт, — соврала я. — Мне хотя бы перевязать руку.

Тётяшка вздохнула и махнула рукой в сторону коридора:

— Там, в конце, кабинет сантехника. Может, он поможет.

У него есть бинты. Он всегда помогает.

«Он», — подумала я. — «Какое счастье».

Я пошла по коридору. Пахло плесенью, старыми трубами и чем-то металлическим. Я постучала в обшарпанную дверь. Изнутри послышался хриплый голос:

— Войдите.

Я открыла дверь и застыла. За столом сидел Гена. В заляпанной робе, с гаечным ключом в руке и с таким видом, будто он только что починил весь мир. Он посмотрел на меня — на мою окровавленную руку, на мои растрёпанные волосы, на мои глаза, которые, наверное, выглядели так, будто я только что вылезла из боя без правил.

Он усмехнулся. Вот так, просто и буднично, усмехнулся, и в его глазах запрыгали чёртики.

— Опять ты? — сказал он. — Кровать мало было, теперь руку решила сломать?

Я хотела ответить что-то острое, но вместо этого просто показала ему палец. Кровь всё ещё текла, капая на грязный

пол.

— Укус, — сказала я. — Бульдог. У меня съёмка была. Собака решила, что я вкусная.

Он встал, подошёл ко мне, взял мою руку в свои. Его пальцы были грубыми, мозолистыми, но они были тёплыми. Он повернул мою руку, посмотрел на рану и присвистнул.

— Сильно, — сказал он. — Зубы у твоего бульдога хорошие.

— Это не мой бульдог, — сказала я. — Это клиентский бульдог.

Он усмехнулся и пошёл к шкафу, где лежали бинты и зелёнка. Он сел рядом со мной, взял мою руку и начал перевязывать. Его пальцы касались моей кожи — там, где она ещё не болела, там, где я чувствовала не рану, а его прикосновения. Он был сосредоточен, молчалив, и я смотрела на него и чувствовала, как внутри меня, где-то глубоко, просыпается знакомое, тёплое ощущение.

— Слушай, — сказала я, — у тебя есть ещё какие-то навыки, кроме сантехники?

— Есть, — сказал он, не поднимая глаз. — Могу чинить унитазы, краны, разбитые кровати и твоё настроение.

Я улыбнулась. Он перевязал руку, аккуратно завязал бинт и посмотрел на меня снизу вверх. Его глаза были серыми, почти стальными, но в них была какая-то тёплая искра. Я почувствовала, как между ног снова становится влажно — просто от его взгляда, от того, как он касался моей руки, от

того, как он сидел так близко, что я слышала его дыхание.

— Ты сегодня вечером занят? — спросила я.

— Как всегда, — сказал он, вставая. — Буду чинить краны.

— Приходи ко мне, — сказала я. — У меня сломана кровать, как ты помнишь.

Он улыбнулся — медленно, с ленцой, как будто обдумывал что-то.

— Я приду, — сказал он. — Но не только кровать чинить.

Я вышла из ЖЭКа, с перевязанной рукой и с чувством, что этот день только начинается. Внутри меня, там, где только что была злость на бульдога, разгорался новый огонь — предвкушение. Я смотрела на свои пальцы, на бинт, на следы его рук на моей коже и думала о том, как странно, что такой неудачный день может закончиться чем-то, что стоит запомнить.

Я вернулась домой, сняла джинсы, заварила кофе и села у окна. Солнце клонилось к закату, и лучи падали на пол — тёплые, золотые. Я смотрела на них и думала о Гене. О том, как он касался моей руки. О том, как он смотрел на меня. О том, что я чувствовала.

Алиса прислала сообщение: «Ты сегодня придёшь? Я уже купила вино. Будут все. Даже Света принесёт пирог».

Я ответила: «Приду. Сейчас только душ приму и приеду. У меня день был — жесь».

Она написала: «Ждём! И готовь историю».

Я улыбнулась. Я готовила историю. Я готовила её, даже когда сидела на полу в студии с разорванным пальцем, истекая кровью. Потому что каждая история рождается из хаоса. И у меня была история.

Я пошла в душ. Вода была тёплой, и она смывала с меня следы укуса, следы этого странного дня. Я стояла под струёй, закрыв глаза, и чувствовала, как моя кожа постепенно остывает, как мышцы расслабляются. Я думала о том, что всё хорошо. Что несмотря на утро, на звонок Руслана, на укус бульдога, я жива и у меня есть вечер, который обещает быть неугомонным.

Я вышла из душа, оделась — простое платье, босоножки, минимум косметики. Я посмотрела в зеркало. Моя рука была перевязана. На лице — следы усталости, но глаза горели. Я улыбнулась своему отражению.

— Ты справишься, — сказала я себе. — Ты всегда справляешься.

Я вышла из дома и пошла в «Заднюю комнату». Бар был недалеко — тихий переулок, уютная вывеска, приглушённый свет. Когда я открыла дверь, запах вина и выпечки ударил в нос. За столиком в углу сидели мои подруги — Алиса, Даша, Женя и Света. Рядом с ними стояла бутылка вина и пирог.

— Марина! — закричала Даша. — Ты пришла! Что с рукой? Тебя кто-то укусил?

— Бульдог, — сказала я, садясь за стол. — У меня клиент

был с бульдогом. На съёмке. Собака решила, что я вкусная.

— Ого, — сказала Алиса. — А ты, наверное, и правда вкусная?

— Она всегда вкусная, — сказала Даша, закатывая глаза. — Рассказывай. Что ещё случилось? Мы хотим всё.

Я взяла бокал, отпила глоток вина и начала рассказывать. Про Руслана, про его звонок, про то, как я стояла голая на пороге. Про бульдога, про кровь, про то, как я поехала в ЖЭК. Про Гену, про его руки, про то, что он обещал прийти вечером.

— Ого, — сказала Света, отрезая кусок пирога. — Гена? Тот самый сантехник?

— Тот самый, — сказала я. — Он собирается чинить мою кровать. И, кажется, не только её.

Алиса подняла бокал.

— За Гену, — сказала она. — За то, чтобы твоя кровать выдержала. Хотя бы один раз.

Мы засмеялись и чокнулись. Я смотрела на них — на своих подруг, на этот бар, на этот вечер — и чувствовала, как внутри меня разливается тепло. Потому что, несмотря на всё — на утро, на укусы, на этот дурацкий день — у меня были они. И у меня был вечер. И я знала, что он станет ещё одной из тех ночей, о которых мы будем вспоминать.

Глава 3. Ремонт с продолжением

Я сидела на диване, перевязывая бинт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.